

ЧИГИРИНСКИЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ В ПОИСКАХ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРАВДЫ*

Виктор Мауль

Тюменский индустриальный университет,
филиал в Нижневартовске,
Нижневартовск, Россия

CHIGIRIN FREETHINKERS IN SEARCH OF THE PEASANT TRUTH

Viktor Maul

Tyumen Industrial University,
Nizhnevartovsk Branch,
Nizhnevartovsk, Russia

This article examines one of the most important events in the lives of S. Shutenko and F. Chepurnoy, two ordinary peasants of Chigirin uyezd, Kiev province, in the nineteenth century. The Chigirin freethinkers' drama was connected with peasant unrest in left-bank Ukraine between the 1870s and 1880s. A number of comprehensive works have turned to their biographies (B. G. Litval and D. P. Poida). In this article, the peasants' views are analysed through the prism of their tragic lives and dreams about the peasant truth, which resulted in their exile to Siberia. They served their first exile together in Yenisei province from 1882 to 1887. Chepurnoy served another exile in Irkutsk province from 1895 to 1900. There is little information about Shutenko's later life. The research refers to unpublished archival documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the state archives of Irkutsk, Tomsk and Krasnoyarsk. The author mostly focuses on judicial and investigation materials, as well as official correspondence between different state bodies. Also, the author refers to the memoirs of such revolutionaries as L. G. Deutsch and V. D. Debogory-Mokriyevich, both of whom were involved in peasant unrest in Chigirin. The reason for peasant unrest was discontent with the agrarian reforms in former state properties in right-bank Ukraine. Peasants perceived the agrarian reforms through the prism of their traditional worldview. They did not doubt the good intentions of the tsar, who

* Citation: Maul, V. (2020). Chigirin Freethinkers in Search of the Peasant Truth. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530.

Цитирование: Maul V. Chigirin Freethinkers in Search of the Peasant Truth // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530 / Мауль В. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1321–1334. DOI 10.15826/qr.2020.4.530.

granted the true peasant will. They treated the content of the agrarian reforms as treason on the part of officials and landowners, who they blamed for distorting the tsar's will. The intentions themselves seemed to comply with peasants' interests. As a result of peasant unrest, the religious teaching of Stundism gained in popularity. The article demonstrates how Stundism significantly influenced peasant estimation of agrarian changes on state properties in the southwestern part of the Russian Empire. The author concludes that Shutenko and Chepurnoy's tragic destinies may be viewed as a result of peasant unrest in the post-reform Ukrainian village.

Keywords: Right-bank Ukraine; peasant psychology; post-reform village; Stundism; freethinkers; Siberia; administrative exile.

Статья посвящена изучению важнейших событий из жизни двух обычных крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в XIX в. С. К. Шутенко и Ф. А. Чепурного. Жизненная драма чигиринских вольнодумцев была связана с крестьянскими волнениями на Правобережной Украине в 1870–1880-е гг. Фрагментарно к событиям их биографий обращались авторы нескольких обобщающих сочинений (Б. Г. Литвак и Д. П. Пойда). В статье взгляды крестьян анализируются в ракурсе их трагической судьбы и мечты о крестьянской правде, обернувшихся для них ссылкой в Сибирь. Первую ссылку (с 1882 по 1887) они отбывали в Енисейской губернии. Вторая ссылка в Иркутскую губернию (с 1895 по 1900) затронула Ф. Чепурного. Сведения источников о дальнейших испытаниях С. К. Шутенко малоинформативны. Источниками для научного анализа стали неопубликованные архивные документы из фондов ГАРФ и государственных архивов Иркутской, Томской областей и Красноярского края. Среди них преобладают судебно-следственные материалы и официальная переписка различных государственных органов. Также используются мемуары революционеров, таких как Л. Г. Дейч и В. Д. Дебогорий-Мокриевич, причастных к крестьянским волнениям в Чигиринском уезде. Причиной крестьянских волнений стало недовольство аграрными реформами в бывших казенных имениях Правобережной Украины. Земельные перемены были восприняты крестьянами в рамках традиционного мировоззрения. Они не сомневались в добрых намерениях правящего царя, который даровал настоящую крестьянскую волю. Не устраивавшее их содержание аграрных реформ сельские жители считали результатом «измены» со стороны чиновников и землевладельцев, которых обвиняли в искажении волеизъявления царя. Сами эти намерения представлялись соответствующими интересам крестьян. В обстановке крестьянского недовольства популярность получило религиозное учение штундизма. В статье показано, как штундизм во многом повлиял на общую оценку крестьянами аграрных перемен в казенных имениях Юго-Западного края Российской империи. Делается вывод, что трагическую судьбу Шутенко и Чепурного можно рассматривать как результат крестьянских настроений в пореформенной украинской деревне.

Ключевые слова: Правобережная Украина; крестьянская психология; пореформенная деревня; штундизм; вольнодумцы; Сибирь; административная ссылка.

Исследования последних лет показали, что изучение, «казалось бы, ничем не примечательных “простых”, “рядовых” людей» прошлого способно наполнить дополнительным смыслом и «пролить свет» на многие не известные ранее аспекты былых событий [Репина, с. 289–290]. В этот познавательный тренд вполне укладываются нелегкие судьбы неграмотных крестьян Степана Карповича Шутенко и Феодосия Анисимовича Чепурного из деревни Погорельцы и села Мордва Шабельницкой волости Чигиринского уезда Киевской губернии, находившихся в эпицентре пореформенных народных волнений и их последствий. В рассмотрении ключевых эпизодов жизненной драмы двух «маленьких» личностей состоит цель данной работы, основанной на анализе документов пяти архивов Российской Федерации. Типично для истории народного протеста среди них преобладают материалы делопроизводства государственных учреждений (фонды Иркутского, Енисейского и Томского губернских правлений) и судебно-следственные материалы (фонды Департамента полиции, 3-го Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообщениях). О своеобразии и особенностях анализа таких источников давно известно из общих и специальных работ [см., например: Усенко].

Историография крестьянских волнений в Чигиринском уезде в 1870-е гг. немногочисленна и фрагментарна [Литвак, 1991, с. 206–210; Пойда, с. 196–234 и др.], хотя в последние годы появились публикации, позволяющие рассчитывать на эвристический прирост знаний о событиях, вызвавших бурный общественный резонанс [Терехова]. В то же время, несмотря на большой пласт трудов об особенностях мировоззрения российского крестьянства в целом и восприятия ими условий и последствий реформы 1861 г. (В. А. Александров, В. В. Безгин, Дж. Блюм, С. Д. Домников, И. И. Игнатович П. А. Зайончковский, Л. Г. Захарова, А. И. Клибанов, Т. С. Мамсик, Б. Н. Миронов, С. А. Нефедов, Л. Н. Пушкарев, П. Г. Рындзюнский, Д. Филд, В. А. Федоров, С. Хок, К. В. Чистов, З. К. Янель и др.), надо согласиться с мнением И. А. Христофорова, что, по сути дела, «из поля зрения исследователей выпал другой важный вопрос: каким образом опыт отмены крепостного права повлиял на дальнейшую судьбу казенных крестьян?» [Христофоров, с. 93].

К этой категории крестьян относились Шутенко и Чепурный, чьи взгляды в условиях пореформенных перемен претерпели серьезную эволюцию – от традиционных православно-монархических убеждений до отрицания важнейших постулатов православной веры, необходимости духовенства, государственных институтов и даже самого царя. Неординарные поступки и мысли нередко выделяли их на фоне «протестующей толпы», за что каждому пришлось заплатить высокую цену. На основании высочайшего повеления от 15 сентября 1882 г. по обвинению в государственном преступлении им в админи-

стративном порядке назначили ссылку в селе Частоостровском Енисейской губернии [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 1–1 об., 2].

Несколькими годами ранее провал «хождения в народ» побудил революционеров-бакунинцев из кружка «южных бунтарей» (И. В. Бохановский, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович) испробовать альтернативный рецепт поднять крестьянскую Россию на бунт [Мауль, 2017б; Пелевин]. Местом действия был выбран Чигиринский уезд, где на протяжении 1870-х гг. не затихали аграрные волнения из-за несогласия бывших казенных крестьян подписывать люстрационные акты земельного межевания «на целое общество или подворно». Не приемля имущественного неравенства и считая справедливым подушное распределение наделов, деревенская беднота выступила с апологией уравнительного землепользования. Стремление губернских властей навязать новые узаконения привело не только к расколу сельского мира на враждующие партии «душевиков» и «актовиков» («участковых»), но и к нарастанию социального противостояния вообще. Конфликт усугублялся злоупотреблениями чиновников люстрационных комиссий и местной администрации, действия которых, по мнению крестьян, искажали настоящую волю государя [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 13 об.; Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 109–110].

В 1877 г. упомянутые революционеры, выдавая себя за «царских комиссаров», предъявили чигиринцам подложные грамоты от имени венценосца и убедили около тысячи монархически настроенных селян, будто он повелел объединяться в «Тайную дружину», вооружаться и готовиться к грядущему выступлению, чтобы «свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжких угнетений и непосильных поборов» [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1. Л. 38]. Самозванческая мистификация была разоблачена полицией, основная часть дружинников, узнав об обмане, явилась с повинной.

Шутенко и Чепурный, еще не успевшие узнать о приговоре за участие в предыдущих беспорядках, снова в числе первых вошли в состав подпольной организации, пока энергичные меры правоохранителей не положили этому конец. Шутенко арестовали 6 июня 1877 г. при «попытке видаться с комиссарами», Чепурному поначалу повезло больше. Он бежал «через сделанный им пролом крыши, когда дом его окружили полицейские служители», и был задержан лишь 27 марта 1878 г. [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 100 об.]. По итогам дознания и суда в январе 1881 г. главных крестьянских вожаков (Е. А. Олейника, И. И. Пискового, Л. А. Тененика, К. И. Прудкого) приговорили к ссылке в более и менее отдаленные местности Сибири [Там же. Л. 108–108 об.]. Относительно Шутенко с Чепурным была установлена меньшая степень вины – они действительно «состояли в числе старост сообщества», предоставляли свои дома «для привода дружинников к присяге, уговаривали многих лиц записаться в дружину, собирали сходки» [Там же. Л. 127]. Но так как они не знали «о подложности употребляемых ими грамот и манифестов» и не сомневались

«в подлинности “Царских бумаг” и в правоте самого дела, будто бы предпринятого по высочайшей воле Государя Императора» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 124 об.], было решено наказанию их «не подвергать, сделав им строгое внушение» [Там же. Л. 130 об. – 131].

Отпущенные из-под стражи, они, казалось, могли вернуться к домашним заботам о «пропитании семейств – состоящих у Шутенко из восьми и у Чепурного из шести душ» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 9–9 об.]. Пережитые тяготы не прошли даром, но, по словам «царского комиссара» Дейча, внесли «кое-какое возбуждение как в среду крестьян, так и в общество». Он уверял, что по крайней мере некоторые бывшие члены «Тайной дружины» «по возвращении в свои села и деревни стали распространять среди односельчан штундизм, а в обществе усиленно начали поговаривать о конституции» [Дейч, 1921, с. 79]. В дальнейшем с его оценкой соглашались советские историки в тех случаях, когда обращались к чигиринской теме. Д. П. Пойда считал, что многие чигиринцы «до конца своей жизни были агитаторами и пропагандистами революционных идей среди крестьянства, передавая их потомству» [Пойда, с. 230]. Думается, что ситуацию более продуктивно рассматривать не в русле ультра-революционной демагогии, а в контексте имманентного крестьянам традиционного сознания. На такую мысль наводят многочисленные слухи монархической окраски, дошедшие в источниках разного происхождения, – это публикации тогдашней киевской прессы, живо реагировавшей на происходившие события, рапорты местных полицейских чинов, сообщения киевских жандармов, высокопоставленного губернского начальства и, с другой стороны, мемуары революционных деятелей. Они позволяют получить представление о характере слухов, в 1870-е гг. имевших хождение среди жителей Чигиринского уезда: о споре между царем и министром по поводу крестьянских нужд [Дейч, 1922, с. 14–15]; о разрезанной надвое царской записке, половинка которой была вручена крестьянскому ходатаю для идентификации [Там же, с. 13]; о какой-то бумаге, «по коей уже три года как следует крестьянам земля на души», но местные чиновники ее скрывают [Материалы, с. 33]; о том, что «народ будут даром брать на парад, щоб ихалы в Киев дывиться, як будут казнить губернатора и двух мировых за то, що обижают народ»; о распоряжении «лупить на ногах и руках шкуры тех панов, которые уговаривают ныне крестьян повиноваться правительству» [Чигиринское дело].

Многочисленные исследования показывают, что психологической основой появления подобных слухов служило противоречие между оптимистическими ожиданиями населения и не совпадающим с ними объективным положением. Отличаясь красочными нюансами, каждый из слухов видел в монархе заступника, который «самолично приедет» или пришлет доверенного помощника, чтобы разобраться с крестьянскими обидами и обидчиками [Андрянов, Левашов, Хлопьев; Дубинин, Толстых; Егоров; Побережников].

В Чигиринском уезде из уст в уста передавалась людская молва о скором визите «надежного генерала» [Дейч, 1922, с. 15], какого-то царского чиновника [Матеріали, с. 238], «обер-прокурора святейшего синода графа Толстого» [Чигиринское дело]; даже поговаривали, «будто бы на днях прибудет в Чигиринский уезд Государь Наследник Цесаревич» по их делу [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 12 об.]. Умозрительно стратифицируя общественную реальность на «своих» и «чужих», подобные слухи априорно подразумевали царя защитником крестьянской правды, как она мыслилась рядовыми чигиринцами. Им всем, вместе взятым, противостояли «изменники» в лице чиновников, панов и попов [Литвак, 1989, с. 186–187; Мауль, 2017б, с. 225–226; Мирошниченко, с. 75–77; Побережников, с. 20]. При господстве в провинциальной глубинке устной культуры переданная соседом или услышанная на сходке актуальная новость воспринималась с доверием, а в рассказчиках слухов видели носителей высоко-го сакрального знания. Среди них, например, рассказы крестьянки Настасьи Лихошерстой, проповедовавшей, «что скоро явится в Адамовку начальство» и «начнет рубить всем участковым головы» [Чигиринское дело]. Ее слушатели уверовали, «что она послана от Бога», и пришли в волнение [Матеріали, с. 169].

В атмосфере массового недовольства прозвучало ошеломляющее и подтверждавшее обоснованность крестьянских опасений известие, что «добрый царь» 1 марта 1881 г. был убит «господами». После восхождения на трон «панского» ставленника оставалось либо склонить голову перед всесильными победителями, либо с жертвенной готовностью продолжать вековую борьбу Добра и Зла. После того как силы правопорядка очистили чигиринскую деревню от наиболее явных «смутьянов», наступило время людей «второго плана», подобных Шутенко и Чепурному, которые стали настоящими крестьянскими вольнодумцами. Незадолго до того они познакомились с проповедью всеобщего равенства, имущественного раздела и соблюдения не на словах, а на деле принципов христианской нравственности в учении штундизма. Эпицентром этого религиозного движения протестантского толка с 1860-х гг. была Херсонская губерния, куда чигиринцы ежегодно уходили на заработки для пополнения своих скудных доходов [ГАРФ. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144. Л. 20 об. –21]. Штундистский постулат личного спасения как следствия «покаяния в грехах и обращения на путь праведности» [Дик, с. 111] облегчал мысленное самоопределение в сложившейся в украинской деревне тревожной обстановке, завоевывая новых последователей. Колебание умов охватило в том числе Чигиринский уезд, где приходские священники оказались не на должной высоте православного благочестия, к тому же компрометировали себя, поддерживая правительственных землемеров.

Опыт участия в крестьянских волнениях способствовал превращению Шутенко с Чепурным в активных борцов за народную правду,

которая в «массовом сознании села» отождествлялась со справедливостью и «обосновывалась всеми его мировоззренческими авторитетами: и традицией... и пантеизмом... и христианством... и авторитетом царя ("Где царь, там и правда"), и авторитетом разума» [Мирошниченко, с. 56]. За свою активную позицию им периодически на короткий срок приходилось вновь оказываться за решеткой (1880, 1881, 1882). По показаниям очевидцев, они, «соблюдая полную осторожность», знакомили крестьян с завораживающей историей «о существовании страны, где земля распределяется между всеми поровну, и выражали желание, чтобы такой порядок был введен и в России» [Деятели революционного движения в России, ст. 1936].

Как во многих подобных случаях, проигрывая борьбу за влияние на паству, ведомство могущественного К. П. Победоносцева преувеличивало опасность штундизма, придавая ему политическую окраску, а в борьбе с ним рассчитывало на поддержку светских властей. Уже в 1880-е гг. обер-прокурор заметил, что крестьяне, совратившись в «лжеучение штунды», «порицали православную церковь и таинства и кощунствовали над св. иконами» [Всепопданнейший отчет, с. 118]. Посетив Волынскую и Киевскую губернии, он мог понять, что в малороссийской деревне созрел социальный протест в религиозной оболочке, и пытался превентивно пресечь его полицейскими репрессиями. Итог закономерен: в апреле 1882 г. Шутенко и Чепурный стали фигурантами громкого дела о «распространении ложных слухов и политической неблагонадежности» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 252. Д. 1. Л. 255]. Им вменяли в вину, что «неправильным толкованием Священного Писания» они будто бы внушали «крестьянам социалистические воззрения, высказывая при этом порицание существующего государственного строя». По сведениям киевского губернатора, они рассказывали о скором «разделе земли на общины, которые будут обрабатывать землю сообща, и собранное с земли будет составлять общее достояние, которым будут пользоваться все одинаково, что правительства не будет, а народ будет управляться сам, что духовенство будет упразднено, в церковь ходить будет не обязательно, и другие рассуждения, имеющие политическую зловердную цель» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77 (3-е делопроизводство, 1881 г.). Д. 751. Л. 1–1 об.]. На допросе Шутенко признался, что об этом он, «будучи в тюрьме, слышал от содержащихся с ним арестантов» [Пойда, с. 232].

Для наказания власть воспользовалась административным порядком, определив им ссылку на пять лет в Енисейскую губернию. Суровые условия подконтрольного жительства не могли прийти по душе потомкам запорожской вольницы. Шутенко в прошении на имя генерал-губернатора Восточной Сибири признавал, что таковое положение «для меня, больного шестидесятилетнего старика, очень трудно» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 13]. Плохое самочувствие арестанта подтверждается обращением к врачебной помощи в июле 1885 г., для чего с разрешения окружного исправника ему пришлось

на три дня отлучаться в Красноярск [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 11]. Незавидным было материальное положение обоих крестьян, особенно Шутенко. Если Чепурный прежде «сам лично имел 15 десятин», а потому, собственно, «и не желал иного передела» [ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477. Л. 85], то его бедствующему соратнику оставалось уповать, чтобы «кто-нибудь доложил государю, как нас, выразивших желание получить по душевому наделу, обидели» [Там же. Л. 261 об.; Мауль, 2017б, с. 231, 236]. Решая вопрос «о выдаче им по болезненному состоянию и неспособности к труду денежного от казны пособия» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 6], власти убедились, что на родине у тех, «хотя и осталось имущество, заключающееся в домах с усадьбами и полевых наделах, но таковое решительно не приносит никакого дохода», а в основном «служит обеспечением к платежу казенных и других повинностей» [Там же. Л. 8–8 об.]. Рассчитывать, как бывало с другими узниками, на вспомоществование родственников не приходилось.

В таких нелегких условиях проходила их ссылка, срок которой закончился 15 сентября 1887 г. Поскольку обратный путь обещал быть непростым и долгим, о нем следовало позаботиться загодя. Уже 3 февраля они обратились к начальству «с покорнейшей просьбой» о выдаче «путевых пособий» «на возврат на родину, а если это окажется невозможным», то в крайнем случае просили отправить их по этапу «в начале июля месяца сего 1887 года» [Там же. Л. 13, 14]. Столь ранние сроки обуславливались желанием успеть в Томск до закрытия речной навигации, ибо «в противном случае, – по объяснениям Чепурного, – мне придется или зимовать в Томской пересыльной тюрьме, или отправляться зимним этапом, что для меня, человека старого и тяжело больного, положительно невозможно» [Там же. Л. 14]. Следуя букве закона, губернские чиновники оставили без внимания крестьянские резоны и вполне ожидаемо предпочли второй из названных вариантов. Но пешеэтапный маршрут от Красноярска до Томска в соответствии с расписанием, утвержденным главным инспектором пересылки арестантов, занимал 31 день [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 964. Л. 24–24 об.]. Предполагалось отправить «названных лиц» домой «с таким расчетом, чтобы они ко времени окончания срока надзора были в г. Ачинске» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799. Л. 15]. Для этого окружному исправнику поручалось доставить обоих к 1 сентября в Красноярск «в пересыльную казарму для отправления их по этапу» [Там же. Л. 16]. Установленные отправные даты не оставляли крестьянам шансов без задержек попасть на родину. По договору Главного тюремного управления с купцом 1-й гильдии У. С. Курбатовым о перевозке политических арестантов по рекам Западной Сибири, последний пароходный рейс из Тюмени должен был начинаться около 12 сентября и после недельного пути и двухдневной стоянки в Томске отправляться обратно [ГАТО. Ф. 3. Оп. 37. Д. 173. Л. 2, 8 об. –9]. Между тем, Шутенко и Чепурный даже при самом оптимистичном раскладе не могли добраться до Томска раньше первых чисел октября.

Вернувшись домой в 1888 г., они не стали искать покоя в обычной деревенской рутине, к чему, казалось, располагали почтенный возраст, недавние тяготы, заботы о хозяйстве, и тем более – негласный надзор полиции. Их показная бравада демонстрировала, что урок не пошел впрок. Они словно согласились со своим земляком Макаром Астапенко, что «вторая Сибирь в Чигиринском уезде» [Пойда, с. 232], и действовали исходя из этого смелого умозаключения. Участие в крестьянских беспорядках, штундистские симпатии, общение с реальными противниками самодержавия из числа революционных народников в тюрьмах, на пересылках и в ссылке [Мауль, 2017а, с. 110] подтачивали прочность врожденных православно-монархических взглядов. Постепенно зрело более прагматичное понимание мира в противовес традиционному иррационализму. Закалившись в испытаниях, Шутенко и Чепурный по возвращению возобновили «просветительскую» карьеру на селе. Их рассуждения, в которых штундистские идеи равенства и общности имущества эклектично переплелись с обрывками революционных премудростей, известны из материалов, хранящихся в фонде канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора: «Евангелие – пустая выдумка, что все сотворено природой, что нужно образовать одно общество и действовать вместе. Царя и правительство нужно уничтожить, тогда завладеем всеми богатствами и землями, устроим суды и никому не будем подчиняться» [Пойда, с. 232–233]. Заметим, это были не просто прежние «ложные слухи», но куда более зрелые в идейном отношении доказательства того, что в пореформенный период «зарождался длительный процесс эрозии крестьянской веры в царя» [Литвак, 1991, с. 210]. Вполне прогнозируемой оказалась реакция властей на рецидивные деяния Шутенко и Чепурного, но отныне пути бывших сотоварищей разошлись и не пересекались по крайней мере до начала XX в.

О дальнейших превратностях первого из них имеется немного сведений. В 1890 г. «по распоряжению киевского генерал-губернатора» ему было «воспрещено жительство в Киевской губернии за распространение штундизма», и он поселился в Елизаветграде Херсонской губернии, однако в марте 1894 г. «был еще раз арестован и привлечен к дознанию» киевской жандармерии «за распространение ложных слухов», после чего его следы теряются [Деятели революционного движения в России, ст. 2064].

Что касается Чепурного, то весной 1895 г. с учетом бывших «заслуг» за «государственное преступление» (штундизм и «ложные слухи») его в административном порядке выслали «на жительство под гласный надзор полиции в отдаленнейшие местности Восточной Сибири сроком на пять лет» [ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090. Л. 1]. К тому времени социально-экономическое положение Чигиринского уезда было не самым благополучным, многие жители «из-за малоземелья и перенаселенности» решались «переселяться на восток страны, на необжитые земли» [Орленко Н. С., Орленко Н. Н., с. 3]. Общие невзгоды

не обошли стороной и семью Чепурного. По его собственной оценке, дома «крестьянское хозяйство совсем раззарено неурожаем последних лет» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 43–43 об.]. Да и физически он чувствовал себя как «совершенно дряхлый старик, достигший 65-ти летнего возраста и страдающий сильной отдышкой, ревматизмом и катаром желудка» [Там же. Л. 10]. По большому счету, для него ссылка оказывалась билетом в один конец, ибо на родине ему нечего было терять. Об этом косвенно говорит факт о «добровольно следующей за ним» жене Ульяне – «старухе стольких же лет», которая едва ли от хорошей жизни отправилась вслед за мужем [Там же. Л. 7, 10].

11 октября 1895 г. Чепурный «в партии с Ангарского тракта» прибыл в Иркутск и в тюрьме дожидаясь решения своей участи [ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090. Л. 2]. Только в декабре последовало указание, что арестант «подлежит водворению в Киренский округ» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 7 об.]. На этом основании «пунктом его жительства» определили село Чечуйское, куда их с женой предполагалось отправить «в общей партии политических ссыльных, следующих в Приленский край и Якутскую область» [Там же. Л. 7 об. –8]. В иркутской ссылке его ждали новые испытания. Для начала он едва не лишился необходимой в Сибири зимней одежды, выданной в январе 1895 г. при отправке из Кирева [Там же. Л. 26]. На этапной станции в Нижнеудинске смотритель тюремного замка по недосмотру «забыл передать» ее конвою [Там же. Л. 6]. Понадобилась двухмесячная бюрократическая волокита, чтобы «тюки с вещами» 15 декабря были «сполна получены в г. Иркутске» [Там же. Л. 24]. За три дня до того Чепурный решился похлопотать о замене места жительства на окружной центр ввиду невозможности «обойтись без медицинской помощи», тогда как в Киренске они с супругой «могли пользоваться помощью врача» [Там же. Л. 10]. Проявив внимание к «болезненному состоянию здоровья его и жены», губернатор пошел навстречу просьбе крестьянина [Там же. Л. 11 об. –12], но Чепурный отправился по этапу до получения благоприятного известия. Уже с дороги, за неимением собственных средств и ввиду неспособности «по дряхлости своей к физическому труду» [Там же. Л. 18], он передал прошение о денежном пособии от казны [Там же. Л. 13]. Поддержанная Киренским окружным исправником, эта просьба была удовлетворена в установленном законом порядке, обеспечив Чепурного на «все время ссылки» единственным источником существования «в размере 228 рублей в год» [ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14. Л. 9]. Назначенная сумма соответствовала денежному содержанию нетрудоспособных и неимущих семейных ссыльных государственных преступников [ПСЗ-3, с. 87].

Согласно полицейскому донесению, в пункт назначения «Феодосий Анисимов Чепурных с женою Ульяною... прибыл 27 минувшего декабря» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 15]. После этого началась размеренная суровая сибирская жизнь ссыльнопоселенца, который по причине «старческого возраста и болезненного состояния» был не в силах «зарабатывать себе средства к существованию своим соб-

ственным трудом» [ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604. Л. 19]. Учитывая, что со временем из официальных бумаг исчезают упоминания о жене Чепурного, с высокой степенью вероятности можно полагать, что где-то в эти годы он стал вдовцом. Потеря супруги лишала смысла возвращение назад, где, скорее всего, его никто не ждал. В этом случае понятно, почему по окончании 30 ноября 1899 г. срока надзора Чепурный «изъявил желание остаться на жительство в г. Киренске до навигации будущего года» [Там же. Л. 35]. А когда пришла пора собираться в обратный путь, просил за отсутствием денег отправить его «до Иркутска на казенный счет» или выдать «пособие на дорогу» [Там же. Л. 43–43 об.]. Но 25 января 1900 г. иркутский военный генерал-губернатор «означенное ходатайство названного поднадзорного изволил отклонить» [Там же. Л. 42]. Между тем в мае месяце Департаментом полиции Чепурному было разрешено «жительство в Киевской губернии» [Там же. Л. 44] с причислением «к крестьянскому обществу дер. Погорельцы» [Там же. Л. 28], о чем он узнал только в середине лета [Там же. Л. 45]. И без того сложная дилемма (оставаться нельзя – ехать не на что) становилась буквально неразрешимой в связи с запретом на проживание не где-нибудь в столичных губерниях или на родине, как было принято в таких случаях, а «в городах Иркутске и Красноярске с их уездами в течение трех лет» [Там же. Л. 29]. Впрочем, петербургские стражи порядка тоже выразили обеспокоенность по поводу его гипотетического появления в столице, поэтому просили иркутских чиновников напомнить поднадзорному, что ему в силу циркуляра Департамента полиции «от 19 февраля 1882 г. за № 1109 воспрещено жительство в С. Петербурге на будущее время» [Там же. Л. 27]. К сожалению, отсутствие информации не позволяет выяснить, насколько быстро и успешно Чепурный смог добраться до дома.

Затянувшуюся на десятилетия жизненную драму Шутенко и Чепурного едва ли можно считать эксклюзивной, но точно и не типовой в масштабе большой истории. Их личности интересны и важны сами по себе, а не только в виде частных проекций общей картины старинного быта. История их злоключений позволяет глубже вникнуть в умонастроения украинской пореформенной деревни, отчаянно бурлившей слухами, мечтавшей о справедливых переменах, а потому иной раз готовой впасть в соблазн циничных мистификаций революционных агитаторов, все это время безнадежно ждавшей, когда «добрый царь» реальными делами явит свою симпатию народу, и постепенно разочаровывавшейся в его благих намерениях. В таком смысле трагическую судьбу и эволюцию взглядов Шутенко и Чепурного можно рассматривать как микрокосм крестьянских настроений и их оценки аграрных и других преобразований в казенных имениях Правобережной Украины. Несмотря на навязываемую сверху идею государственной целесообразности, сельская беднота на протяжении пореформенного периода, страдая, надеясь и борясь, стремилась к своей настоящей крестьянской правде.

Список литературы

- Андрянов В. И., Левашов В. К., Хлопьев А. Т. «Слухи» как социальный феномен // Социол. исслед. 1993. № 1. С. 82–88.
- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 год. СПб. : Синод. тип., 1887. 406 с. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4604; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2090.
- ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1799.
- ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 14.
- ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77 (3-е делопроизводство, 1881 г.). Д. 751; Оп. 252. Д. 1; Ф. 109 (3-я экспедиция, 1875 г.). Д. 144; Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1; Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
- ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 964; Оп. 37. Д. 173.
- Дейч Л. Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей / ред. журн. «Исторический архив». Вып. 1. М. : Госиздат, 1921. С. 73–79.
- Дейч Л. Г. За полвека. М. : Задруга, 1922. Т. 1. Ч. 1. 127 с.
- Деятели революционного движения в России : Биобиблиографический словарь. Т. 2. Вып. 4. М. : Изд-во Всес. о-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 2156 ст.
- Дик Й. Суть главных религиозных конфликтов в России во второй половине XIX века : взгляд изнутри // Вопросы германской истории : Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX веков : сб. ст. Днепрпетровск : Пороги, 2007. С. 108–118.
- Дубинин Б. В., Толстых А. В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопр. психологии. 1993. № 3. С. 77–81.
- Егоров А. К. Слухи как объект исторического исследования // Уч. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2015. № 3 (148). Т. 2. С. 7–10.
- Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 256 с.
- Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России : почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М. : Политиздат, 1991. 302 с.
- Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 р. р.) / за ред. К. Гребенкіна. Харків : Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
- Мауль В. Я. Вожаки «Чигиринского заговора» в кольце революционного окружения // История, философия, педагогика, психология, право : сб. ст. Рязань : Созвездие, 2017а. С. 107–113.
- Мауль В. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017б. № 1. С. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.
- Мирошниченко П. Я. Культура русского и украинского крестьянства конца эпохи феодализма (1760–1861 гг.). Донецк : Изд-во ДонГИИИ, 1999. 244 с.
- Орленко Н. С., Орленко Н. Н. Хутор Новочигириновский : История возникновения и первые жители. [Б. м.] : Изд. решения, 2018. 36 с.
- Пелевин Ю. А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Рос. ист. 2014. № 1. С. 130–150.
- Побережников И. В. Слухи в социальной истории : типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург : Банк культур. информации, 1995. 58 с.
- Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепрпетровск : Обл. изд-во, 1960. 488 с. ПСЗ-3. Т. 2.
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и социологическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
- Терехова С. А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии // Народники в истории России. Вып. 3. Воронеж : Истоки, 2019. С. 7–16.
- Усенко О. Г. Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Народ и власть :

исторические источники и методы исследования : материалы XVI науч. конф., Москва, 30–31 янв. 2004 г. М. : РГГУ, 2004. С. 366–369.

Христофоров И. А. Между частным и казенным : крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Рос. ист. 2011. № 2. С. 93–109.

Чигиринское дело : (По официальным источникам) // Киевлянин. 1877. № 97. 16 авг.

References

Andriyanov, V. I., Levashov, V. K., Khlop'ev, A. T. (1993). "Slukhi" kak sotsial'nyi fenomen ["Rumours" as a Social Phenomenon]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 82–88.

Chigirinskoe delo. (Po ofitsial'nym istochnikam) [The Chigirin Case. (According to Official Sources)]. (1877). In *Kievlyanin*. No. 97. August, 16.

Deutsch, L. G. (1921). Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uезда [A Conspiracy among the Peasants of Chigirin District]. In *Sbornik materialov i statei / redaktsiya zhurnala "Istoricheskii arkhiv"*. Iss. 1. Moscow, Gosizdat, pp. 73–79.

Deutsch, L. G. (1922). *Za polveka* [Within Half a Century]. Moscow, Zadruga. Vol. 1. Part 1. 127 p.

Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskii slovar' [Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bibliographic Dictionary]. (1932). Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'noposelentsev. Vol. 2. Iss. 4. 2156 columns.

Dick, I. (2007). Sut' glavnykh religioznykh konfliktov v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka: vzglyad iznutri [The Essence of the Main Religious Conflicts in Russia in the Second Half of the 19th Century: A Look from Inside]. In *Voprosy germanskoi istorii : Nemtsy Ukrainy i Rossii v konfliktakh i kompromissakh XIX–XX vekov. Sbornik statei*. Dnepropetrovsk, Porogi, pp. 108–118.

Dubinin, B. V., Tolsty'kh, A. V. (1993). Slukhi kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Rumours as a Socio-Psychological Phenomenon]. In *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 77–81.

Egorov, A. K. (2015). Slukhi kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya [Rumours as an Object of Historical Research]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (148). Vol. 2, pp. 7–10.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 32. List 1. Dos. 4604; Stock 91. List 1. Dos. 2090.

GAKK [State Archive of Krasnoyarsk Region]. Stock 595. List 63. Dos. 1799.

GANIO [State Archive of New Story of Irkutsk Region]. Stock 300. List 1. Dos. 14.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 77 (3-e deloproizvodstvo, 1881 g.). Dos. 751; List 252. Dos. 1; Stock 109 (3-ya ekspeditsiya, 1875 g.). Dos. 144; Stock 109 (3-ya ekspeditsiya, 1877 g.). Dos. 262. Part 1; Stock 112. List 1. Dos. 477.

GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock 3. List 4. Dos. 964; List 37. Dos. 173.

Grebenkin, K. (Ed.). (1934). *Materiali do istorii selyan'skikh revolyutsiinikh rukhiv na Chigirinskhini (1875–1879 r. r.)* [Materials for the History of the Peasant Revolutionary Movement in Chigirin (1875–1879)]. Kharkiv. Vidannya Tsentral'nogo arkhivnogo upravlinnya USSR. 440 p.

Khristoforov, I. A. (2011). Mezhdru chastnym i kazennym: krest'yanskaya reforma v gosudarstvennoi derevne, liberal'naya doktrina i spory o sobstvennosti [Between the Private and the Public: Peasant Reform in the State Village, Liberal Doctrine, and Property Disputes]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2. pp. 93–109.

Litvak, B. G. (1989). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The Peasant Movement in Russia, 1775–1904. History and Methods of Studying Sources]. Moscow, Nauka. 256 p.

Litvak, B. G. (1991). *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa* [The 1861 Revolution in Russia: Why the Reform Alternative Was Never Realised]. Moscow, Politizdat. 302 p.

Maul, V. (2017b). "Chigirinskii zagovor" i krest'yanskaya psikhologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 1, p. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Maul, V. Ya. (2017a). Vozhaki "Chigirinskogo zagovora" v kol'tse revolyutsionnogo okruzheniya [Leaders of the "Chigirin Conspiracy" in the Circle of the Revolutionary Environment]. In *Istoriya, filosofiya, pedagogika, psikhologiya, parvo. Sbornik statei*. Ryazan', Sozvezdie, pp. 107–113.

Miroshnichenko, P. Ya. (1999). *Kul'tura russkogo i ukrainskogo krest'yanstva kontsa epokhi feodalizma (1760–1861 gg.)* [The Culture of the Russian and Ukrainian Peasantry at the End of the Feudal Era (1760–1861)]. Donetsk, Izdatel'stvo Donetskogo gosudarstvennogo instituta iskusstvennogo intellekta. 244 p.

Orlenko, N. S., Orlenko, N. N. (2018). *Khutor Novochigirinovskii. Istoriya vozniknoveniya i pervye zhiteli* [Novochigirinovsky Khutor. The History of Its Origin and First Residents]. S. l., Izdatel'skie resheniya. 36 p.

Pelevin, Yu. A. (2014). Yuzhnye buntari i "Chigirinskii zagovor" [Southern Rebels and the "Chigirin Conspiracy"]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1. pp. 130–150.

Poberezhnikov, I. V. (1995). *Slukhi v sotsial'noi istorii: tipologiya i funktsii (po materialam vostochnykh regionov Rossii XVIII–XIX vv.)* [Rumours in Social History: Typology and Functions (Based on the Materials of the Eastern Regions of Russia of the 18th–19th Centuries)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 58 p.

Poida, D. P. (1960). *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoi Ukraine v poreformnyi period (1866–1900 gg.)* [The Peasant Movement in Right-Bank Ukraine in the Post-Reform Period (1866–1900)]. Dnepropetrovsk, Oblastnoe izdatel'stvo. 488 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 3. Vol. 2.

Repina, L. P. (2001). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i sotsiologicheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moscow, Krug". 560 p.

Terekhova, S. A. (2019). "Chigirinskii zagovor" v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [The "Chigirin Conspiracy" in Modern Russian Historiography]. In *Narodniki v istorii Rossii*. Iss. 3. Voronezh, Istoki, pp. 7–16.

Usenko, O. G. (2004). Primernaya strategiya interpretatsii sledstvennykh materialov po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii XVII–XVIII vv. [An Approximate Strategy for the Interpretation of Investigative Materials on Cases of State Crimes in Russia in the 17th–18th Centuries]. In *Narod i vlast': istoricheskie istochniki i metody issledovaniya. Materialy XVI nauchnoi konferentsii, Moskva, 30–31 yanvarya 2004 g.* Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 366–369.

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Syvateishago sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya za 1885 god [The Most Substantial Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of the Orthodox Denomination for 1885]. (1887). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 406 p.

The article was submitted on 06.02.2020